

МАСТЕРА

ВКУС КИСЛОРОДА

ДУМАЯ об Алексее Федоровиче Лосеве, я вспомнил, как однажды, когда я летал еще на маленьком самолете, друг пригласил меня в кабину большого лайнера. Там внимание мое привлек кислородный прибор. Поставив кран в положение «Кислород 100%», я стал усиленно дышать. «Что ты делаешь?!» — удивился мой друг. — «Хочу узнать вкус кислорода». — «Для этого нужно 5 минут не дышать», — заметил мой друг...

И вот я подумал, что для того чтобы верно оценить истинное значение Алексея Федоровича Лосева, необходимо хотя бы на 5 минут представить отечественную культуру без его книг, без его 70-летней научной и педагогической деятельности, составившей целую эпоху в деле изучения (я бы сказал — в деле воскрешения) европейской античности.

В фундаментальном многотомном труде А. Ф. Лосева «История античной эстетики», труде, поразительном по всеохватности, по мыслиемкости, по органичности, нет ни одной пылинки праха — все дышит, все блещет в борьбе и единстве противоположностей. Живая античность! Как здесь не вспомнить А. Блока: «Нам внятно все — и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений...»

Удивительная фигура А. Ф. Лосева поражает современное воображение. Все в ней —

тайна. Все в ней — диво. И не только то, что, вопреки своей скромности и принципиальному уходу от всякой рекламы, он всемирно известен. Ему 90 лет! А он не только сдает в производство 7-й том «Истории античной эстетики», но и задумал восьмой, замыкающий том. Он весь — в будущем, несмотря на то, что предмет его внимания — глубокое прошлое, о котором Гете говорил, что оно за семью печатями.

Теперь странно подумать, что каких-нибудь десять лет назад имя А. Ф. Лосева мне ничего не говорило. Это была бы моя беда, если бы я ничего о нем не узнал. К счастью, мне на глаза попалась его книга. Простота и доступность сложнейшего материа-

ла античной культуры в изложении Лосева изумительны. А главное — он обращается не к логике, не к факту, а непосредственно к душе и разуму человека. Благодаря Лосеву я открыл глаза не только на Пушкина, который близок античности... Лосев подарил читателю идеал античной красоты в образе такой ключевой фигуры среди античных богов, как Аполлон. Конечно, я и раньше знал, что Аполлон — бог света и солнца, что он покровитель наук и искусств. Но это знание мое было механически точным и не более. Но ведь Аполлон был живым для греков. Его имя вдохновляло их! Что же я, человек иного века, мог понять в греческой культуре?!

Помню, как после прочтения книги Лосева я испытал волнение неистребимого светлого счастья, вылившееся в такие строки: «Чистым золотом пролился небосвод со всех сторон. И на белый свет явился златокудрый Аполлон. И душа восторг исторгла. Ждал его я, сколько мог. О, как долго, страшно долго не являлся юный бог! И порою мне казалось, что оставил Землю он, что на память нам осталось только имя — Аполлон...»

Я радовался, как ребенок. И радоваться было чему. Ведь во мне родилось чувство идеала античной красоты, которое, я считал, навеки уте-

ряно в наше время. Тогда же я понял, что «прекрасное былых времен в родстве с прекрасным настоящего». Я говорю здесь стихами, потому что Лосев прежде всего вдохновляет! Он вызывает цепную реакцию рождения мыслей и чувств. Он и сам поэтическая фигура, подарившая нам связь времен. Его пронзительность удивительна. Его познания легендарны. Он весь в пути... И здесь я позволю себе еще раз перейти к стихам, ибо чувствую — проза сама уступает им место.

Сели тучи наземь
для ночлега.

Глуше грома мировых
событий.

Самолет — крылатая
телега,

Много сделал я на ней
открытий.

Открывались мне моря,
равнины

В каждом новом
грозовом раскате.

Пролетая древние
Афины,

Думал я о музах,
о Сократе.

Он встречался с мудрой
Диотимой,

Жрицей и пророчицею
нежной.

Может быть, она была
любимой,

Музою души его
мятежной.

Я искал ответ в былом
народе.

Но явился Зевс,
небрежно бросив:

— Это знает только
Тахо-Годи

И ее супруг профессор
Лосев.

Г. КАЛЮЖНЫЙ.